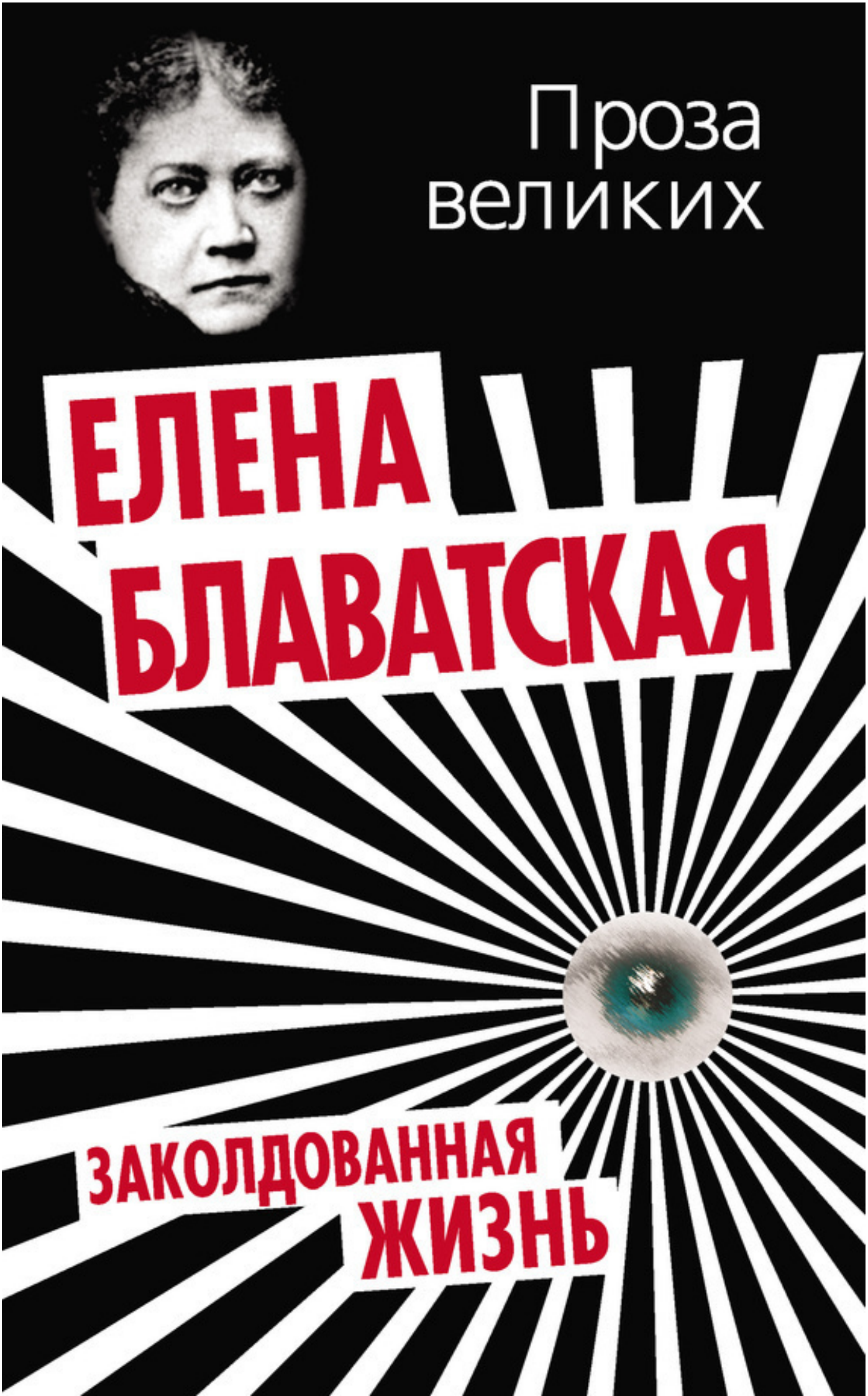
Проза великих
ЕЛЕНА БЛАВАТСКАЯ
ЗАКОЛДОВАННАЯ ЖИЗНЬ

Проза великих

Елена Блаватская

Заколдованная жизнь (сборник)

«Алисторус»

2013

Блаватская Е. П.

Заколдованная жизнь (сборник) / Е. П. Блаватская — «Алисторус», 2013 — (Проза великих)

Книга представляет собой полное собрание оккультно-мистических рассказов выдающегося русского философа-эзотерика Е.П. Блаватской. Во всем мире она известна как основательница теософии, синкретического религиозно-мистического учения о единении человеческой души с божеством.Основные положения этого учения изложены в ее программных произведениях: «Тайная доктрина», «Разоблаченная Изида» и «Ключ к теософии», которые хорошо известны читающей публике. Реже печатаются путевые очерки о культурных традициях и обычаях народов Индии: «Из пещер и дебрей Индостана» и «Загадочные племена на голубых горах».Однако мало кто знает, что Елена Петровна Блаватская была еще и прекрасным прозаиком. Из-под ее пера вышли интереснейшие и захватывающие рассказы, яркой отличительной чертой которых стал живой мистический опыт автора в соединении со своеобразным «соавторством» высоких Адептов Сокровенного Учения, известных как Махатмы, или Великие Учителя. Эти рассказы читатель найдет в настоящей книге, и они вряд ли оставят его равнодушным.

© Блаватская Е. П., 2013
© Алисторус, 2013

Содержание

Кармические видения 5
Заколдованная жизнь 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Елена Блаватская
Заколдованная жизнь

Кармические видения

О жалобное «Больше нет»!
О сладостное «Больше нет»!
О чуждое мне «Больше нет»!
У мхом поросших берегов ручья
Один внимал я аромату дикой розы;
В ушах моих немолчный звон стоял,
Из глаз моих струились слезы.
Сомненья нет, все лучшее прошло,
На сажень вглубь погребено тобой,
«No More»!

А. Теннисон. «Драгоценность»

I

Лагерь полон боевыми колесницами, ржущими лошадьми и толпами длинноволосых воинов…

Королевская палатка, безвкусна в своем варварском великолепии.

Ее льняные покровы провисают под тяжестью оружия. В центре – возвышенное сиденье, покрытое шкурами, и на нем восседает рослый, свирепого вида воин. Он рассматривает пленников, которых по очереди подводят к нему, и судьбу их решает каприз бессердечного деспота.

Вот перед ним новая пленница. Она обращается к нему со страстной искренностью… Он же внимает ей со скрытой яростью, и глаза на мужественном, но свирепом и жестоком лице наливаются кровью и неистово вращаются. А когда он подается вперед, пристально и с ненавистью вперясь в нее взглядом, весь его облик – спутанные пряди волос, свисающие на сдвинутые брови, коренастый торс с мощными мускулами и две большие руки, опирающиеся на щит, стоящий на правом колене, – подтверждает замечание, едва слышным шепотом сделанное седовласым воином своему соседу:

– Не много милости получит эта святая пророчица из рук Хлодвига[1].

Пленница, стоящая между двумя бургундскими воинами лицом к бывшему князю салических франков, а ныне королю всех франков, – старая женщина с серебристо-белыми растрепанными волосами, спадающими на костлявые плечи. Несмотря на глубокую старость, ее высокая фигура стройна, а вдохновенные черные глаза смотрят гордо и бесстрашно в жестокое лицо вероломного сына Хильдерика.

– Ах, король, – говорит она громким, звонким голосом, – вот сейчас ты велик и могуч, но дни твои сочтены и править тебе всего лишь три лета. Злым ты родился… Вероломным ты был со своими друзьями и союзниками, не одного из них лишив законной короны. Убийца

[1] *Хлодвиг* (466—5) – король салических франков, сын Хильдериха Ш. Вступил на престол в 48 году в возрасте 5 лет. Последние годы своей жизни Хлодвиг провел в Париже, объявив его столицей своего королевства, и основал династию Меровингов. Он с полным правом может считаться истинным основателем Франкского королевства, которое было первым государством, поднявшимся из развалин Римской империи.

своих ближайших родственников, ты, добавляющий к ножу и копью в открытом бою кинжал, яд и предательство, берегись, ты дурно обращаешься со слугой Нертус![2]

– Ха, ха, ха!.. Старая карга из преисподней! – заявляет король со злой, угрожающей усмешкой, – Конечно, ты выползла из чрева своей матери-богини. Ты не боишься моего гнева? Это хорошо. Но и мне нечего бояться твоих пустых проклятий… Мне, крещеному христианину!

– Так, так, – отвечает сивилла. – Все знают, что Хлодвиг отрекся от богов своих отцов, что он потерял веру в предостерегающий голос белого коня Солнца, что в страхе перед аллеманами он склонил колени перед назорейским служителем Ремигиусом в Реймсе[3]. Но стал ли ты в новой вере более праведным? Разве после своего отступничества ты не убил столь же хладнокровно, как и до него, всех своих сподвижников, веривших тебе? Разве не ты дал слово Алариху, королю вестготов, и не ты же убил его исподтишка, вонзив копье в спину, когда он отважно сражался с врагом?

Это твоя новая вера и новые боги учат тебя, даже теперь, вынашивать в своей черной душе гнусные замыслы против Теодориха[4], нанесшего тебе поражение?…Берегись, Хлодвиг, берегись! Ибо теперь боги твоих отцов поднялись против тебя! Берегись, говорю тебе, ибо…

– Женщина, – свирепо кричит король, – женщина, прекрати свои безумные речи и отвечай на мой вопрос! Где сокровища Рощи[5], накопленные твоими жрецами Сатаны и спрятанные после того, как они были разогнаны святым Крестом?… Ты одна знаешь. Отвечай, или, клянусь небесами и преисподней, я навсегда втолкну в глотку твой поганый язык!..

Она не обращает внимания на угрозы и продолжает так же спокойно и бесстрастно, будто ничего не слышала:

– …Боги говорят, Хлодвиг, что ты проклят!.. Хлодвиг, ты будешь вновь рожден среди своих терепешних врагов и будешь мучиться страданиями, которые причиняешь своим жертвам. Вся мощь и слава, что ты отнял у них, будет маячить перед тобой, но ты никогда не достигнешь ее!.. Ты будешь…

Прорицательница не успевает договорить.

С ужасным проклятьем, припав, подобно дикому зверю, к своему покрытому шкурой сиденью, прыжком ягуара король обрушивается на нее и одним ударом сбивает с ног. А когда он заносит свое острое смертоносное копье, «святая» племени почитателей Солнца заставляет воздух зазвенеть последним проклятием:

– Я проклинаю тебя, враг Нерфус! Да будут муки твои десятикратно тяжелее моих! Пусть великий закон воздаст…

Тяжелое копье падает и, пронзив горло жертвы, пригвождает голову к земле. Горячая алая струя вырывается из зияющей раны, покрывая короля и воинов несмываемой кровью…

II

Время – веха богов и людей в безграничном поле вечности, убийца своих порождений и памяти человечества – время движется бесшумным безостановочным шагом через эоны[6] и века… Среди миллионов других Душ вновь рождается Душа-Эго: для счастья или для горя,

---

[2] *Нертус* – в древнегерманской мифологии богиня Земли, плодородия, растительности, Богиня-Матерь. Согласно Тациту, наиболее благодетельное божество древних германцев.

[3] Предание объясняет этот шаг обетом Хлодвига, данным им на тот случай, если христианский бог поможет ему одержать победу над аллеманами.

[4] *Теодорих* (Великий) – король ост-готов, во времена Хлодвига властвовавший над Италией.

[5] *Роща* – здесь, одна из священных рощ, игравших важную роль в традиционных религиях европейских народов.

[6] *Эоны* (*греч.*) – здесь, космически-эпохальные периоды времени.

кто знает! Пленница в своей новой человеческой форме, она растет вместе с ней, и вместе они осознают, наконец, свое бытие.

Счастливы годы их цветущей юности, неомраченной нуждой или страданием. Они ничего не ведают ни о прошлом, ни о будущем. Для них все – лишь счастливое настоящее, ибо Душа-Эго и не подозревает, что жила когда-то в другом человеческом сосуде, она не знает, что родится вновь, и не помышляет о том, что последует за этим.

Ее Форма спокойна и довольна. Она еще не доставляла своей Душе-Эго серьезных волнений. Она счастлива благодаря ровной мягкой безмятежности своего нрава и атмосфере любви, сопутствующей ей повсюду. Ибо это – благородная Форма и сердце ее полно благодушия. Никогда еще Форма не тревожила ДушуЭго слишком сильным потрясением и никоим иным образом не нарушала спокойной безмятежности своего обитателя.

Два десятилетия проходят незаметно, будто единое путешествие, долгий путь по залитым солнцем дорогам жизни, усаженным вечно цветущими розами без шипов. Редкие печали, постигающие эту пару близнецов – Форму и Душу, кажутся им подобными бледному свету холодной северной луны, чьи лучи погружают все вокруг освещенных ею предметов в тень еще более глубокую, нежели тьемнота ночи, ночи безнадежной скорби и отчаяния.

Сын государя, рожденный, дабы в должное время принять бразды правления королевством отца, с колыбели окруженный благоговением и почестями, окруженный всеобщим уважением и уверенный во всеобщей любви, – чего же более может желать Душа-Эго от Формы, в коей пребывает?

И так Душа-Эго продолжает наслаждаться жизнью в своей непреступной башне, безмятежно взирая на панораму бытия, непрестанно меняющуюся перед двумя ее окнами – двумя добрыми голубыми глазами любящего и добродетельного человека.

III

Однажды надменный и неистовый враг стал грозить королевству отца, и дикие инстинкты бойца прошлого просыпаются в Душе-Эго. Она покидает свою страну грез среди цветов жизни и побуждает свое Эго из плоти обнажить клинок воина, уверя его, что это делается ради защиты страны.

Побуждая друг друга к действиям, они одолевают противника и покрывают себя славой. Они заставляют надменного врага в крайнем унижении повергнуться во прах у своих ног. За это история венчает их неувядающими лаврами доблести, лаврами успеха. Они делают из поверженного врага подставку для ног и превращают маленькое королевство своих предков в огромную империю. Удовлетворенные, полагая, что не могли бы пока достичь большего, они возвращаются к уединению, в страну грез милого дома.

В течение следующих трех пятилетий Душа-Эго сидит на обычном месте, взирая из своих окон на окружающий мир. Над ее головой голубое небо, а необозримые горизонты покрыты, казалось бы, неувядаемыми цветами, растущими в лучах здоровья и силы. Все выглядит прекрасным, как зеленеющий луг весной.

IV

Но в драме бытия недобрый день приходит ко всем. Он ждет – и в жизни короля, и в жизни нищего. Он оставляет след в биографии каждого смертного, рожденного от женщины, и его нельзя ни отпугнуть, ни упросить, ни умилостивить. Здоровье – это росинка, падающая с небес, дабы оживлять цветение на земле лишь в течение утра жизни, ее весны и лета… Но она недолговечна и возвращается туда, откуда пришла, – в невидимые сферы.

Как часто под бутоном неземным
Зародышем незримый цветоед таится!
А в корешках редчайшего цветка
Недосягаемый в своей засаде червь трудится…

Песок в часах, отмеряющий сроки человеческой жизни, струится все быстрее. Червь подточил цветок жизни в самой его сердцевине. Сильное тело однажды оказывается простертым на тернистом ложе боли.

Душа-Эго больше уже не сияет. Она тихо сидит и печально смотрит сквозь то, что стало окном ее темницы, на мир, который теперь быстро окутывается для нее саванами страдания. Уж не преддверие ли это приближающейся вечной ночи?

V

Прекрасны курорты внутреннего моря! Бесконечная неровная гряда омываемых прибоем черных скал тянется, окруженная золотыми песками и глубокими синими водами морского залива. Они подставляют свои гранитные груди яростным порывам северо-западного ветра, укрывая дома богачей, уютно разместившиеся у их подножий со стороны суши. Полуразрушенные домишки на открытом берегу – это убогие убежища бедняков. Их убогие тела часто сокрушаются стенами, сорванными и смытыми разгневанной волной. Но ведь они только следуют великому закону выживания наиболее приспособленных. К чему их защищать?

Прекрасно утро, когда в золотисто-янтарных тонах встает солнце и первые лучи его целуют скалы живописного берега. Радостна песня жаворонка, когда, вылетая из своего теплого гнездышка в траве, он пьет утреннюю росу из глубоких чашечек цветов; когда кончик розового бутона дрожит, обласканный первым лучом, а земля и небо улыбаются, приветствуя друг друга. Печальна одна Душа-Эго, когда взирает на пробуждающуюся природу с высокого ложа напротив широкого окна – «фонаря».

Как спокоен близящийся полдень, когда тень на солнечных часах неуклонно движется к часу отдыха! Теперь палящее солнце начинает плавить облака в прозрачном воздухе, и последние клочки утреннего тумана, задержавшиеся на вершинах дальних холмов, исчезают в его лучах. Вся природа готова к отдыху знойного и ленивого полдня. Племя пернатых умолкает, их яркие крылья поникают, они опускают свои сонные головки, ища убежища от палящего зноя. Утренний жаворонок деловито устраивается в окаймляющих дорожки кустах под соцветиями граната и сладкого средиземноморского лавра. Неутомимый певец стал безгласным.

«Его песнь так же радостно зазвенит завтра, – вздыхает Душа-Эго, прислушиваясь к замирающему жужжанию насекомых на зеленеющем дерне. – А моя?»

Вот бриз, несущий запахи цветов, едва шевелит томные верхушки пышных растений. Затем взгляд ДушиЭго падает на одинокую пальму, выросшую в расселине поросшей мохом скалы. Ее некогда прямой цилиндрический ствол изогнут и надломлен ночными порывами северо-западных ветров. А когда она устало протягивает свои поникшие оперенные руки, колеблющиеся из стороны в сторону в голубом прозрачном воздухе, ее тело дрожит и грозит переломиться пополам при первом новом порыве.

«И тогда отломленнаяся часть дерева упадет в море и некогда величественной пальмы уже не будет более», – говорит сама с собой Душа-Эго, печально взирая из своих окон.

Все возвращается к жизни в холодном старом жилище в час заката. Тени на солнечных часах с каждой минутой сгущаются, и воодушевленная природа в эти прохладные часы близящейся ночи просыпается более деятельной, чем когда-либо. Птицы и насекомые щебечут и жужжат свои последние вечерние гимны вокруг высокой и все еще сильной Формы, когда она шествует медленно и устало по усыпанной гравием аллее. И вот ее тяжелый взгляд задум-

чиво падает на лазурную глубину тихого моря. Залив искрится, подобно усыпанному жемчугом ковру синего бархата, в прощальных танцующих солнечных лучах и улыбается, как беспечный сонный ребенок, уставший от беспокойного метания. А дальше, спокойное и безмятежное в своей вероломной красоте, открытое море широко расстилает гладкое зеркало прохладных вод – соленых и горьких, как человеческие слезы. Оно лежит в своем предательском спокойствии, подобно великолепному спящему чудовищу, охраняющему непостижимую тайну своих темных глубин. Поистине это кладбище миллионов, без надгробий, канувших в пучины…

Без могил, без положенья в гроб,
Без погребальных звонов и безвестно… —

в то время как жалкие останки некогда благородной Формы, бродящей поодаль, когда пробьет ее час и басовые колокола прозвонят по усопшей душе, будут выставлены для помпезного прощания. О ее кончине возвестят голоса миллионов труб. Короли, князья и сильные мира сего явятся на ее погребение или пришлют своих представителей со скорбными лицами и соболезнующие послания тем, кто остался…

«Хоть одно преимущество перед погребенными без положения во гроб и безвестно», – с горечью размышляет Душа-Эго.

Так незаметно проходит день за днем, и по мере того как быстрокрылое Время ускоряет свой полет, а каждый исчезающий час разрушает какую-то нить в ткани жизни, Душа-Эго постепенно изменяется в своих взглядах на вещи и людей. Паря меж двумя вечностями, вдали от места рождения, одинокая в толпе докторов и слуг, Форма с каждым днем увлекается все ближе к своей Душе-Духу. Иной свет, недостигнутый и недостижимый во дни радости, мягко снисходит на утомленной узницы. Теперь она видит то, чего никогда не различала прежде…

VI

Как прекрасны, как таинственны весенние ночи на морском берегу, когда ветры умиротворены и стихии на время утихли. Торжественная тишина царит в природе. Лишь серебристый, едва слышный шорох волны, когда она нежно пробегает по влажному песку, целуя раковины и гальку по пути вверх и вниз, доходит до слуха словно тихое размеренное дыхание спящей груди. Каким маленьким, каким незначительным и беспомощным чувствует себя человек в эти покойные часы, когда стоит между двумя гигантскими громадами – усыпанным звездами сводом над головой и дремлющей землей под ногами.

Небо и земля погружены в сон, но души их не спят и беседуют, делясь друг с другом неизъяснимыми тайнами. Именно тогда оккультная[7] сторона природы приподнимает для нас свои темные покровы и раскрывает секреты, кои мы тщетно пытались бы выпытать у нее в свете дня. Купол небес, столь недостижимый, столь далекий от земли, приблизился и склонился над нею. Звездные луга обнимаются со своими более скромными сестрами – долинами, усыпанными маргаритками, и дремлющими зелеными полями. Небесный свод падает в изнеможении на грудь огромного спокойного моря; а миллионы усеивающих его звезд заглядывают и купаются в каждом озерке и заводи.

Для израненной горем души эти мерцающие небесные светила кажутся очами ангелов. Они смотрят вниз с невыразимым сочувствием к страданиям человечества. То не ночная роса падает на спящие цветы, но слезы сострадания светил при виде великой человеческой скорби…

[7] *Оккультная* – здесь, таинственная, мистическая.

Да, ласкова и прекрасна южная ночь. Но —
Когда мы, возлежа на ложе,
В мерцаньи тающей свечи
Зрим увядание всего… О Боже!
Как нам страшно в ночи…

VII

Череда погребенных дней пополнена еще одним. Далекие зеленые холмы и ароматные ветви цветущего граната растворились в густых тенях ночи, и печаль и радость погружены в летаргию сна, дающего отдых душе. Все шумы утихли в королевских садах, ни голоса, ни звука не слышно в этой всевластной тишине.

Быстрокрылые сны слетают со смеющихся звезд пестрыми стайками и, опускаясь на землю, рассеиваются среди смертных и бессмертных, среди животных и людей. Они парят над спящими, привлекаемы каждый согласно своему виду и качеству: сны радости и надежды, исцеляющие и невинные видения, страшные и пугающие зрелища, увиденные сомкнутыми очами, переживаемые душой; одни – дающие счастье и утешение, другие – вызывающие рыдания, вздымающие дремлющую грудь, слезы и душевные муки; все и каждый неосознанно вселяющие в спящего мысли грядущего дня.

Даже во сне Душа-Эго не находит покоя.

Горячо и лихорадочно мечется ее тело в безысходной муке. Для нее время счастливых мечтаний – лишь истаявшая тень, давно минувшее воспоминание. За умственными страданиями души стоит преображенный человек. За телесными муками проступает полностью разбуженная ими Душа. Покров иллюзии спал с холодных идолов мира. Тщета и пустота славы и богатства стоят перед ее глазами неприукрашенные и часто отвратительные. Думы Души, подобно мрачным теням, падают на рассудок быстро распадающегося тела, преследуя мыслителя ежедневно, еженощно, ежечасно…

Вид собственного храпящего коня больше не доставляет ему удовольствия. Воспоминания об оружии и знаменах, захваченных у врага, о стертых с лица земли городах, о рвах, пушках и шатрах, о множестве завоеванных трофеев теперь лишь едва возбуждают его национальную гордость. Подобные мысли больше не трогают его, и честолюбие уже неспособно пробудить в страждущем сердце снисходительного одобрения любого доблестного поступка рыцарства. Иные видения заполняют теперь томительные дни и долгие бессонные ночи…

Что он видит теперь, – это множество штыков, скрежещущих друг о друга в тумане копоти и крови, тысячи изрубленных тел, покрывающих землю, истерзанных и разорванных в клочья смертоносными орудиями, изобретенными наукой и цивилизацией, благословленными на победу слугами его Бога. То, что он теперь видит во сне, – это истекающие кровью раненые и умирающие с утраченными конечностями и спутанными волосами, промокшими и насквозь пропитанными кровью…

VIII

Отвратительный сон выделяется из группы проходящих мимо видений и тяжело опускается на его больную грудь. В ночном кошмаре он видит людей, умирающих на поле боя, проклиная тех, кто привел их к гибели. Любая внезапная острая боль в собственном изнуренном теле приносит ему во сне воспоминания о муках еще более ужасных, о страданиях, перенесенных из-за него и ради него. Он видит и чувствует агонию миллионов павших, умирающих после долгих часов ужасающих душевных и физических мук, испускающих дух в лесу и

в поле, в канавах у обочин, в лужах крови под черным от гари небом. Его взгляд вновь приковывают потоки крови, каждая капля в которых – это слеза отчаяния, вопль разрывающегося сердца, скорбь по всей жизни. Он опять слышит дрожащие вздохи одиночества и пронзительные крики, разносящиеся над горами, лесами, долинами. Он видит старых матерей, потерявших свет своей души; семьи, лишившиеся кормильца. Он видит овдовевших молодых жен, выброшенных в огромный холодный мир, и нищих сирот, тысячами попрошайничающих на улицах. Он видит, как юные дочери самых отважных его воинов меняют траурные покровы на крикливую мишуру проституции, и Душа-Эго содрогается в спящей Форме… Ее сердце разрывается от стонов голодающих, глаза слепнут в дыму горящих деревень, разрушенных домов, больших и малых городов в курящихся руинах…

И в этом кошмарном сне он вспоминает тот миг помешательства в своей воинской жизни, когда стоя на горе мертвых и умирающих, правой рукой размахивая обнаженным мечом, по самую рукоять обагренным дымящейся кровью, а левой – знаменем, вырванным из рук солдата, умирающего у его ног, он зычным голосом возносил хвалу к трону Всемогущего, благодаря его за только что одержанную победу!..

Он вздрагивает во сне и просыпается от ужаса. Крупная дрожь сотрясает его тело как осиновый лист, и, откинувшись на подушки, утомленный воспоминаниями, он слышит голос – голос Души-Эго, звучащий в нем:

«Слава и победа – лишь тщеславные слова… Благодарения и молитвы за сломанные жизни – гнусная ложь и богохульство!..»

Что они дали тебе и твоему отечеству, эти кровавые победы!.. – шепчет его Душа. – Народ, одетый в железные доспехи, – отвечает она же. – Сорок миллионов умерших теперь для всякого духовного устремления и жизни Души. Народ, отныне глухой к мирному голосу долга честных граждан, питающий отвращение к мирной жизни, слепой к искусствам и литературе, безразличный ко всему, кроме барыша и честолюбия. И каково же теперь твое будущее королевство? Легион кукол-солдатиков взятых по отдельности и огромный дикий зверь в своей совокупности. Зверь, что подобен вот этому морю, мрачно дремлет лишь для того, чтобы с еще большим неистовством обрушиться на первого же врага, который будет ему указан. Указан – но кем? Это – как если бы бессердечный, гордый демон, присвоивший неподобающее влияние, воплощенная Гордыня и Сила, сжал железной рукой сознание всей страны. Какими злыми чарами отбросил он людей к тем первобытным дням нации, когда их предки, желтоволосые свебы и вероломные франки, бродили повсюду в воинственном запале, в жажде убивать, уничтожать, покорять. Какими адскими силами было это совершено? Однако превращение произошло, и это столь же неоспоримо, как и тот факт, что лишь Дьявол радуется и гордится результатом этого превращения. Весь мир замер в напряженном ожидании. Не жена или мать наиболее часто предстает тебе во снах, а черная и зловещая грозовая туча, покрывающя всю Европу. Она приближается… Подступает все ближе и ближе… О, горе и ужас! Я вновь прозреваю страдание для этой земли, свидетелем которого мне уже приходилось быть. Я вижу роковую печать на челе цвета европейской молодежи. Но, если я буду жить и обладать властью, никогда, о никогда моя страна не будет участвовать в этом снова! Нет, нет, я не увижу

Ненасытную смерть,
пресытившуюся поглощаемыми жизнями…
Я не услышу
…несчастных матерей пронзительного крика,
Когда из страшных, жутких ран людских
Жизнь истекает, и быстрее крови!..»

IX

Сильнее и сильнее поднимается в Душе-Эго чувство жгучей ненависти к страшной бойне, называемой войной; глубже и глубже внушает она свои мысли той Форме, что держит ее в плену. Временами в больной груди просыпается надежда и скрашивает долгие часы одиночества и размышления; подобно утреннему лучу, рассеивающему черные тени мрачного уныния, она освещает долгие часы одинокого раздумья. И подобно тому, как радуга не всегда рассеивает грозовые тучи, но часто являет лишь результат преломления лучей заходящего солнца проплывающим облаком, так и за мгновениями призрачной надежды обычно следуют часы еще более глубокого отчаяния. Зачем, о зачем, насмехающаяся Немезида, ты так очистила и просветила среди всех монархов этой земли того, кого сама сделала беспомощным, бессловесным и бессильным? Зачем ты зажгла пламя святой братской любви к человеку в груди того, чье сердце уже чувствует приближение ледяной руки смерти и разрушения, кого неуклонно оставляют силы, и сама жизнь которого тает подобно пене на гребне набегающей волны?

И вот уже рука Судьбы занесена над ложем страдания. Пробил час исполнения закона Природы. Более молодой отныне будет монархом, ибо старого короля уже нет. Но безгласный и беспомощный, он все же является господином, самодержавным властителем миллионов. Жестокая Судьба воздвигла ему трон над открытой могилой и зовет его к славе и могуществу. Истерзанный страданиями, он вдруг обнаруживает себя коронованным. Опустошенная Форма оказывается вырванной из своего теплого гнезда среди пальмовых рощ и роз; ее несет вихрем с благоуханного юга к студеному северу, где воды застывают в ледяные леса и «волны на волнах вырастают в твердые горы»; куда она теперь спешит править и – спешит умирать.

X

Вперед, вперед спешит черное, извергающее огонь чудовище, изобретенное человеком, дабы отчасти одолеть Пространство и Время. Вперед, с каждой минутой все дальше от целительного, благоуханного юга летит поезд. Подобно огнедышащему дракону, пожирает он расстояние, оставляя за собой шлейф дыма, искр и зловония. И пока его длинное, гибкое тело, изгибающееся и шипящее, подобно огромной темной рептилии, плавно скользит, пересекая горы и долины, лес и туннель, равнину, его покачивающее монотонное движение убаюкивает измученного путешественника, его изношенную, истерзанную душевным страданием Форму, погружая ее в сон…

В движущемся дворце воздух тепл и ароматен. Роскошный вагон полон экзотических растений, и из огромного куста благоухающих цветов возникает вместе с их ароматом сказочная Королева Грез, сопровождаемая группой счастливых эльфов[8]. В плавно скользящем поезде дриады[9] смеются в своих жилищах из листьев и пускают плыть по ветру сказочные видения и сны зеленых уединенных уголков. Стук колес постепенно превращается в рев отдаленного водопада, чтобы затем стихнуть до серебристых трелей хрустального ручья. Душа-Эго совершает свой полет в Страну Грез…

Она странствует сквозь эоны времен, живет, чувствует и дышит в самых противоположных людских формах. Сейчас она – великан, етун[10], спешащий в Муспелльхейм[11], где правит Суртур со своим огненным мечом.

---

[8] *Эльфы* – в мифологии германских народов и демонологии средневековой Европы низшие духи природы, духи стихий. Делятся на *светлых* (главным образом, духи воздуха, сильфы) и *темных* (духи земли, гномы).

[9] *Дриады* – в греческой мифологии нимфы, покровительницы деревьев.

[10] *Етуны* – в скандинавской мифологии великаны, первонасельники мира, предшествующие богам и людям. Носители

Она бесстрашно противостоит сонму чудовищ и обращает их в бегство одним взмахом могучей длани. Потом она видит себя в Северном Мире Туманов. В образе отважного лучника она вступает в Хельхейм, Царство Мертвых, где Темный Эльф раскрывает перед ней череду ее жизней и их таинственную взаимосвязь. «Почему человек страдает?» – вопрошает Душа-Эго. – «Потому что он должен стать единым», – следует насмешливый ответ.

Тотчас Душа-Эго предстает перед святой богиней, Сагой, которая поет ей о доблестных делах германских героев, об их достоинствах и пороках. Она показывает Душе могучих воинов, павших от руки множества ее прежних Форм как на поле брани, так и под священной сенью дома. Она видит себя в роли девушек и женщин, юношей, мужей и детей… Она чувствует себя многократно умирающей в этих Формах. Она умирает как Дух героя, и сострадающие Валькирии[12] ведут ее с кровавого поля битвы назад в Обитель Блаженства под священную сень Валгаллы. Она испускает последний вздох в другой Форме и оказывается в холодной, безнадежной сфере угрызений совести. Будучи ребенком, она смежает невинные очи в последнем сне, и сразу же увлекается прекрасными Светлыми Эльфами в другое тело – сужденный источник Боли и Страдания. Всякий раз туманы смерти рассеиваются и спадают с глаз Души-Эго, и лишь тогда она может пересечь Черную Бездну, отделяющую Царство Живых от Царства Мертвых. Таким образом, «Смерть» становится для нее лишь ничего не значащим словом, пустым звуком. Всякий раз верования Смертного обретают объективную жизнь и форму для Бессмертного, лишь только он переходит Мост. Впоследствии они начинают бледнеть и исчезают…

– Каково мое Прошлое? – обращается Душа-Эго к Урд – старшей из сестер норн[13]. – Почему я страдаю?

Длинный пергамент разворачивается в руке богини и открывает длинный список смертных существ, в каждом из которых Душа-Эго узнает одну из своих обителей. Дойдя до предпоследнего, она видит обагренную кровью руку, без конца творящую жестокости и вероломства, и содрогается… Безвинные жертвы являются вкруг нее и взывают к Орлогу об отмщении.

– Каково мое истинное Настоящее? – вопрошает встревоженная Душа вторую сестру, Верданди.

– На тебе приговор Орлога, – слышит она в ответ. – Но Орлог не произносит их столь слепо, как глупые смертные.

– Каково мое будущее? – в отчаянии взывает Душа-Эго ко Скульд, третьей из норн. – Будет ли оно всегда в слезах и лишено Надежды?…

Нет ответа. Но спящий чувствует, что несется в пространстве, и внезапно картина меняется. Душа-Эго видит себя на давно знакомом месте, в королевской летней резиденции, и скамью напротив сломанной пальмы. Перед ней раскинулась, как и прежде, безбрежная голубая водная гладь, отражающая скалы и утесы, там же и одинокая пальма, обреченная на скорое исчезновение. Мягкий ласковый голос неустанного прибоя легких волн становится человеческой речью и напоминает Душе-Эго о клятвах, неединожды произнесенных на этом месте. И спящий с воодушевлением повторяет слова, уже провозглашавшиеся прежде:

великой мудрости. Например, етун Бельторн дал богам магические руны.

[11] *Муспелльсхейм* – в «Младшей Эдде» огненная страна, существовавшая еще до начала творения. Обитель предводительствуемых *Суртуром* (Суртом) огненных «сынов Муспелля», великана, олицетворяющего «Мировой Огонь».

[12] *Валькирии* — в скандинавской мифологии низшие божества, воинственные девы, участвующие в распределении побед и смертей в сражениях. Павших в бою отважных воинов они уносят в *Валгаллу* (Вальхаллу) – небесную обитель храбрецов, наслаждающихся вечным пиром, пятисотвратный «зал благословенных героев», озаряемый вместо огненных светильников блеском мечей.

[13] *Норны* — низшие женские божества, определяющие судьбы людей при их рождении, возвещая волю *Орлога,* или Урлага (букв. – закона судьбы, рока). Норны определяют судьбы людей, вырезая руны. При рождении героя они прядут нить его судьбы, предрекая славное будущее. Норны аналогичны мойрам (паркам) античной мифологии, имеют параллели в мифологии других народов.

«Никогда, о никогда впредь не принесу я ни единого сына моей родины в жертву пустому тщеславию и честолюбию! Наш мир столь исполнен неизбежным страданием, столь беден радостью и блаженством, неужели я прибавлю к этой чаше горечи бездонный океан горя и крови, называемый Войной? Прочь эту мысль!.. О, больше никогда…»

XI

Странное зрелище и перемена… Сломанная пальма, стоящая перед мысленным взором Души-Эго, вдруг поднимает свой упавший ствол и становится стройной и зеленой, как и прежде. Еще большее блаженство: Душа-Эго обнаруживает самое себя такой же сильной и здоровой, каким князь был всегда. Громким голосом поет он на все четыре стороны света ликующую песнь. Он чувствует в себе волну радости и блаженства, и будто знает, отчего счастлив.

Внезапно он переносится в нечто похожее на сказочно-прекрасный Зал, освещенный самыми яркими светильниками и возведенный из материалов, подобных которым прежде он никогда не встречал. Он видит наследников и потомков всех монархов земного шара, собравшихся в этом Зале одной счастливой семьей. Они уже не носят знаков королевского достоинства, но он словно знает, что правящие князья властвуют в силу своих собственных качеств, – сердечного великодушия, благородства характера, наивысшей наблюдательности, мудрости, любви к Истине и Справедливости, – что делает их достойными наследниками престолов, Королями и Королевами. Короны, по воле и милости Господа, отброшены, и теперь они правят «милостью божественного человеколюбия», единодушно избранные в силу общепризнанности своих способностей к правлению и почтительной любви своих добровольных подданных.

Все вокруг кажется удивительно изменившимся. Честолюбия, всепоглощающей жадности и ненависти, неверно называемых патриотизмом, – больше нет. Жестокий эгоизм уступил место истинному альтруизму, а холодное безразличие к нуждам миллионов больше не находит одобрения в глазах немногих избранных. Ненужная роскошь, притворство и претенциозность – общественные или религиозные – все исчезло. Войны больше невозможны, ибо армии упразднены. Солдаты обратились в усердных, трудолюбивых землепашцев, и весь земной шар творит свою песнь в восторженной радости. Королевства и страны живут как братья. Наконец пришел великий, славный час! То, на что он едва мог надеяться, о чем еле отваживался помыслить в тишине долгих мучительных ночей, теперь осуществилось. Великое проклятие снято, и мир стоит прощенный и спасенный в своем возрождении!..

Трепещущий от восторженных чувств, с сердцем, переполненным любовью и человеколюбием, он встает, чтобы произнести пламенную речь, которая должна стать исторической, и вдруг обнаруживает, что тело его исчезло или, точнее, заменено другим. Да, это уже не та высокая, благородная Форма, что он знал, но тело кого-то другого, о ком он еще ничего не ведает. Что-то темное встает между ним и великим ослепительным светом, и на волнах эфира он видит тень огромных часов. На их зловещем циферблате он читает:

> «Новая эра: 970 995 лет спустя мгновенного уничтожения пневмодиноврилом[14] последних 2 000 000 солдат на поле брани в западном полушарии Земли. 97 000 солнечных лет после затопления Европейского континента и островов. Таков приговор Орлога и ответ Скульд…»

Он делает напряженное усилие и – вновь становится самим собой. Побуждаемый Душой-Эго помнить и поступать соответственно, он воздевает руки к Небесам и перед ликом всей Природы клянется хранить мир до конца своих дней – по крайней мере, в своей стране.

---

[14] *Пневмо-дино-врил* – в германо-скандинавской оккультной традиции великая таинственная сила, обладающая огромной созидательной и разрушительной мощью.

* * *

Отдаленный рокот барабанов и протяжные крики, которые он слышал во сне, – это восторженные благодарения за только что данный обет. Резкий удар, грохот – и когда открываются глаза, Душа-Эго изумленно взирает в них. Тяжелый взгляд встречает почтительное и серьезное лицо врача, предлагающего обычную дозу лекарства. Поезд останавливается. Он встает со своего ложа еще более слабым и усталым, чем когда-либо и видит вокруг бесконечные ряды войск, вооруженных новым и еще более смертоносным оружием, – готовые ринуться в бой.

Заколдованная жизнь
Со слов Гусиного Пера

Это было в сырую, темную ночь, в сентябре 884 года. Холодный туман спускался на улицы Эльберфельда и заволакивал будто похоронным флером и всегдато скучный, а теперь совсем уж безжизненный, глубоко уснувший фабричный городок. Большая часть его жителей, то есть весь рабочий люд – давно уже разошелся по домам; и давно уж, вытягивая усталые члены под немецкими пуховиками и уткнув наболевшие от машинного стука головы в немецкие перины, наслаждался непробудным сном.

Все было тихо и в большом уснувшем доме, где я тогда находилась.

Как и все прочие, я лежала в постели; но постель моя была для меня не ложем отдыха, а одром страданий, к которому болезнь приковала меня уже несколько дней.

Так все было тихо кругом меня в доме, что, по выражению Лонгфелло, «тишина становилась слышной». Я совершенно ясно различала, как переливалась кровь в моем наболевшем теле, производя тот монотонный и столь знакомый всякому, кто когда-нибудь прислушивался к полной тишине, звон в ушах. Я сосредоточенно следила за этими постепенно нарастающими звуками, пока из шума, словно далекого водопада, они не перешли в рев могучего горного потока, сердито бурлящие воды стремнины… Но вот вдруг, быстро изменив характер, шум и рев словно слились и перепутались, перемешались и, наконец, были поглощены другим, более отрадным и желанным мною звуком. То был тихий, еле слышный шепот голоса, давно ставшего мне знакомым благодаря денным и нощным долголетним с ним беседам. Да, шепот знакомого и всегда дорогого голоса; теперь же, как и во все такие минуты нравственных ли, физических ли страданий, – вдвойне дорогого, потому что он всегда приносил мне с собою чувство упования и утешение, облегчение, если не полное выздоровление… Так было и на этот раз:

– Терпение!.. – шептал этот ободряющий, задушевный голос. – Рассказ о некой странной, погибшей жизни не может не сократить часов бессонницы и страданий. Отвлекись от своих страданий, найди пищу своему вниманию. Смотри… вот прямо там, перед собою!..

«Прямо там, перед собою» – означало в этом случае большие, из цельных зеркальных стекол три окна пустого дома, стоящего на другой стороне улицы. Его окна находились по прямой линии против моих окон. Когда я взглянула по указанному мне направлению, то действительно увидала то, что заставило меня на время позабыть даже жестокие боли.

Словно туман, странной формы облако ползло по зеркальным окнам пустой квартиры, увеличивалось и постепенно заволакивало всю стену. Густое, тяжелое, змееобразное, белесоватое облако это напомнило мне, почему-то, своей причудливой формою тень гигантского развивающего кольца боа-констриктора[15]. Мало-помалу эта тень исчезла, оставив за собою одно сияние, местами сребристо мягкое, бархатистое, словно отсвет молодого месяца на темных водах чистого пруда. Затем оно задрожало, заколебалось, и зеркальные стекла вдруг заискрились, будто отражая тысячи преломляющихся лунных лучей, целое тропическое звездное небо, – сперва с наружной стороны окон, а затем и внутри пустого жилья…

А тишина в доме и вокруг меня становилась с каждою минутою все *слышнее и явственнее*, и шум далекого водопада громче и громче, когда вдруг сияние внутри запертых окон стало снова густеть и то же туманное облако удлиняться и, пронизывая стекла, ползти тем же змееобразным движением через улицу и над нею, медленно созидая и перекидывая волшебный мост от очарованных окон пустого дома до моего балкона – более, до самой моей кровати! В то время, когда я напряженно следила за этим странным явлением, и сами окна, и пустая за ними

[15] *Боа-констриктор* – удав.

комната внезапно исчезли. На их месте появилась другая, комната в здании, которое было *в моем сознании* швейцарским *châlèt*[16] и ничем иным. Старые, из потемневшего от времени дуба стены рабочего кабинета были покрыты от потолка до полу разными полками, заваленными древними рукописями и фолиантами. Такой же большой старомодный письменный стол стоял посреди комнаты. За ним, перед целым ворохом рукописей и письменных принадлежностей, с гусиным пером в руках сидел бледный, истощенный на вид старик; угрюмая, изможденная, скелетообразная фигура, с лицом таким исхудалым, страдальческим и желтым, что свет от единственной на столе рабочей лампы, падая на его голову, образовывал два ярких пятна на выдающихся скулах этого изнуренного, словно выточенного из старой слоновой кости, лица.

[16] *Châlèt* (*фр.*) – шале, сельский домик, дача.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.